

Неизреченная Франция.

Наука знает всё. Экономисты располагают точными цифрами объемов ВВП и экспорта на каждый год. Демографы могут детально расписать половозрастную пирамиду по полу и по возрасту. Географы вычислили площадь гор и равнин и точные координаты каждого отрезка государственной границы. Социологи изучили эволюцию нравов, способов проведения досуга и развитие социальных групп населения. Однако, даже узнав все эти факты, мы не можем утверждать, что мы знаем Францию. Поскольку Франция, помимо прочего и важнее всего прочего, – это некая грёза, некое понятие, некий аромат, это неясная сумма образов, красок, ветров, нестойкий букет запахов полевых трав и возделываемых поколениями причудливых виноградных лоз. Никакое знание не способно заменить собой весь этот живой опыт, однако данное утверждение рискует рикошетом ударить по нам самим: а не бессмысленно ли пытаться словами и фразами описать то, что для своего постижения, по всей вероятности, требует подключения всего спектра эмоционального восприятия, того, что немедленно исчезает с последним звуком любого рассказа?

Что остается в тот момент, когда грёзы начинают рассеиваться, когда под предлогом сохранения верности реалистическому взгляду на действительность, под огнем трезвой критики, под влиянием стремления к разоблачению всего туманного и непонятного мы начинаем терять вкус к блаженным рассуждениям, нелепо звучащим заклинаниям, к восприятию объективности тончайшими рецепторами всех наших чувств? Люди продолжают обитать во Франции: здесь у них есть рабочее место и домашний очаг, а иногда даже два, если у них есть вторая квартира, то есть кров над головой для спасения от непогоды. Им здесь нравится быть, однако Франция перестает присутствовать в их сознании. Она теряет свое сияющее притяжение. Её вдохновение для них больше не существует, и как бы не ухудшились обстоятельства, Её судьба больше не задевает их за живое.

Источник: Пьер Сансо, Хрупкая Франция, Париж . © Шамваллон, 1985;

© Пайо, серия «Малая библиотека», 1995.

легкой доступностью магазинов, мест развлечений и досуга, близостью работы и т.п.

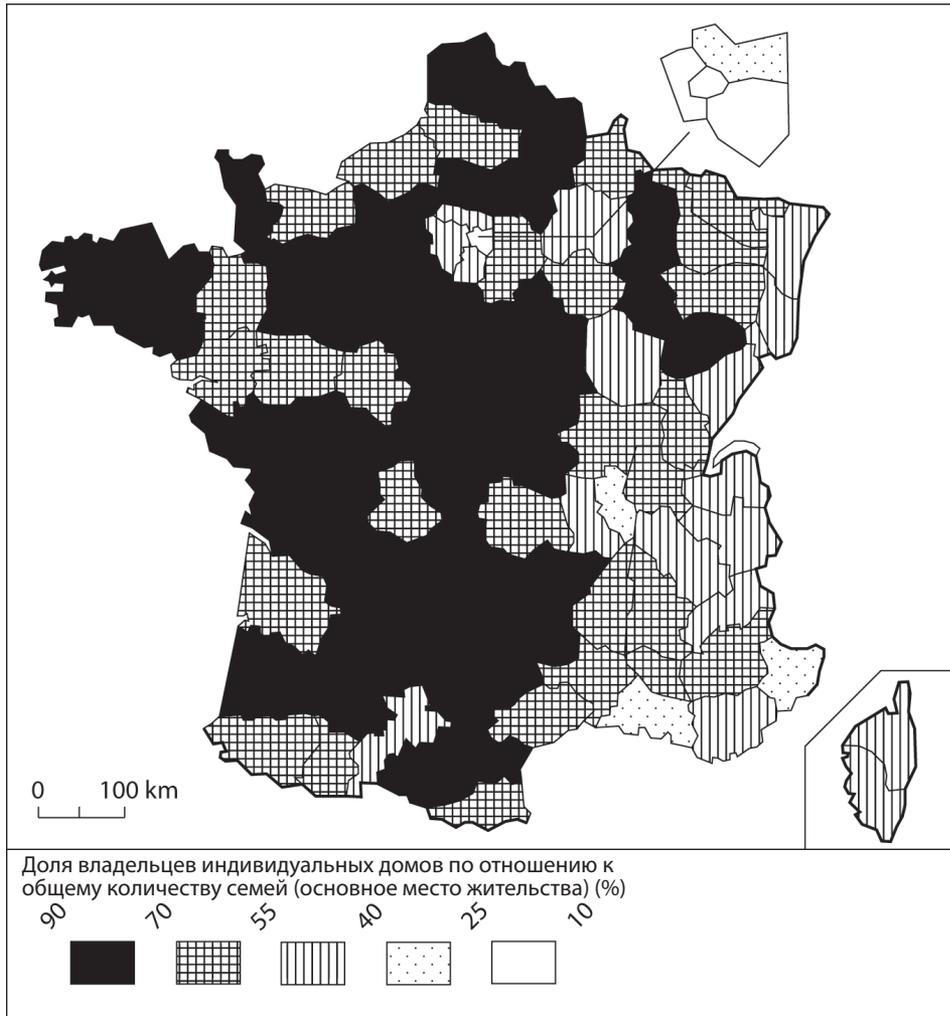
Если апартаменты в старых домах в центре города считаются сверхпрестижными, то социальные микрорайоны дешевого жилья 60-х – 70-х давно потеряли всякую привлекательность и французы только и думают о том, чтобы поскорее сменить квартиру в таком жилом квартале на отдельный дом. Альба Шаландон, тогдашний министр строительства, был очень успешен при реализации, начиная с 1969 г., программы оказания помощи в возведении 70 000 односемейных домов по индивидуальным проектам («шаландонетт»)^{7.1}. Даже сегодня, несмотря на их однообразие, удаленность от центра и примитивность архитектуры (ставшей чуть интереснее после наступления эпохи «шаландонетт»), типовые загородные дома с небольшим земельным участком поль-

Глава 7. Места жизни поколений

зуются гораздо большей симпатией чем микрорайоны, застроенные многоэтажными домами.

Внешний вид французских поселений отражает многообразие архитектурных стилей и многоплановость городского развития в стране.

Рисунок 7.1. Доля семей, живших в собственных домах в 1999 г.

Источник: Национальный институт экономической статистики.

Вплоть до середины XIX века в сельской местности дома строились из материала, находящегося в непосредственном окружении (за исключением кровельного сланца для зданий в Долине Луары, доставлявшегося сюда из